

Александр Гринь

КВЕСТ@6К

Александр Гринь

КВЕСТ@6К

«Издательские решения»

Гринь А.

КВЕСТ@6К / А. Гринь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906435-6

Достаточно остросюжетная фантастическая повесть о философских проблемах виртуальной реальности. Главный герой пытается избежать мести мафии хакеров. Российская глубинка кажется ему единственным безопасным для этого местом. Здесь ему неожиданно приходится поразмыслить о любви, о Родине, о своей жизни.

ISBN 978-5-44-906435-6

© Гринь А.
© Издательские решения

Содержание

СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ	6
ЭЗОТЕРИЧЕСКОЕ	8
ЧЕМОДАНЧИК	10
ПОЛОСКУН	13
МОИ ДЕНЬГИ	18
ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ	21
ИЗГОЙ	24
ДОРОГОСТОЯЩЕЕ АГЕНТСТВО	27
ПОБЕГ В НИКУДА	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

КВЕСТ@6К

Александр Гринь

© Александр Гринь, 2018

ISBN 978-5-4490-6435-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ

*«Что делать?» – знают все, «что сделать?» – не знает никто
(так писал КВЕСТ@БК)*

Если кому-то Квест@БК и показался бы циником, то, по-моему, это – дело вкуса. Так думал я, когда началась эта история, о событиях которой я пишу после того, как это стало для меня важным.

По интернет-форумам я иногда бродил с определённым интересом, чтобы позабавить дух свой изливаниями чужой энергетики и лишний раз утвердиться в собственном невысоком мнении о человеческой натуре. Это влияло на тонус моего общего восприятия жизни и некоторым образом спасало от хандры. Предметом моей сетевой охоты были, однако, не милые пошлости толпы, желающей «хлеба и зрелищ», но редкие, всякий раз чьи-то по-своему интересные отклонения от сложившихся представлений об окружающей нас действительности.

Сначала мне показалось, что и Квест@БК был озабочен тем же. Но, как потом оказалось, я сильно ошибался по поводу его интересов.

Квест, например, на фоне какой-нибудь жестокой политической полемики мог живо рассуждать на тему о том, что на самом деле устремления граждан в большинстве своём почти не связаны с желанием добиться справедливого устройства мира.

По его словам, политические волнения тех оппозиционеров, кто помоложе, мало чем отличались от дискотеки.

К примеру, молодым девицам на уровне животного инстинкта необходимо добиваться внимания самцов, приближённых к вершине социальной иерархии. И поскольку самых крутых самцов на всех не хватает, то по отношению, например, к президенту может разгораться чувство глубокой неприязни и даже ненависти только по этой единственной причине. Однако женская натура способна соглашаться на меньшее, где выбор пошире. Такая «оппозиция» уездных девиц, как правило, перемежалась с картинными «селфи» на собственных страничках, где обязателен томный загадочный взгляд и театральность окружающей обстановки.

В свою очередь молодым пацанам, измученным половыми гормонами, необходимо ответно демонстрировать себя и свой потенциал в стремлении атаковать общего врага.

Итог таких политических танцев оппозиции, утверждал Квест, – не более, чем предлог для физического сближения. То есть, понятно, что после встречи на митинге или на демонстрации молодые самки отдаются уже не просто Ваньке-штукатуру, а борцу и почти лидеру великого народного движения за всеобщую справедливость. Пусть хотя бы так.

Другая часть активной молодёжи добивалась тех же результатов с точностью до наоборот на противоположной политической платформе, утверждая непогрешимость нынешнего вождя и приближение себя к нему в политическом порыве. Даже если ничего не получалось, то удовольствие всё равно приходило ко всем участникам «политического процесса» на уровне некоторого сублимированного удовлетворения.

По мнению Квеста, радикально-политические порывы не имели возрастных ограничений.

У массы более возрастных самок политическая активность возникала иногда просто от скуки, иногда это было неразделённое сексуальное одиночество, не исключено, при наличии равнодушного мужа, частенько – просто ужас надвигающейся старости. «Селфи» здесь практикуется пореже, как правило, в более информативно насыщенной обстановке, в кругу верных друзей, например.

Политический радикализм возрастных самцов «селфи» вовсе не предусматривал. В массе своей он имел всего лишь две причины.

Крайне правые старички критиковали «нынешние порядки» лишь только за то, что не стоит то, что раньше стояло. Тут статуя Ленина с рукой, указующей в сторону коммунизма, в крайностях подобного мировоззрения приобрело почти фаллическое значение.

Противоположные левацкие же «загибы» обнаруживались у многих седеющих «знатоков» внешней и внутренней политики, которые мучаются ощущениями своего бытия в качестве лузера. Здесь всё то же вездесущее и выгорающее со временем либидо агонизировало в пламени подсознательно низкой оценки собственной социальной успешности.

Как пиявки ко всему этому мыкающему стаду цеплялись мастера политической конъюнктуры и шарлатаны, умеющие делать деньги на «говорении».

Квест утверждал, а я в том с ним соглашался, что всем здесь управляли не только принципы, открытые Фрейдом, которого мы, впрочем, тоже посчитали не избежавшим корыстных устремлений в своих «публичных откровениях» и породившим соответствующую шарлатанскую традицию в психологии. Конечно, всё это было пересыпано простой человеческой любознательностью и желанием погреться у общего виртуального костра среди тебе подобных в процессе сладкого обмена социальными ролями.

Несомненно одно, подводил своим рассуждениям Квест, – никакого голоса разума в этих «политических песнях» и бесконечных перепостах по «Фейсбуку» и «Контакту», конечно, и быть не могло.

В этом своеобразном реализме Квест@6К как раз показался мне достаточно забавным. Я-то поначалу наивно полагал, что это удовольствие демонстрации циничного стёба было единственной его целью. Однако, как оказалось, я весьма ошибался. Не представляю даже теперь, как я тогда мог в принципе не ошибиться. Нет, не было у меня тогда такой возможности. Впрочем, – всё по порядку.

Здесь для примера надо привести одно из его интересных откровений. Однажды на каком-то форуме некий доморощенный политик в раскалившейся полемике обвинил другого в том, что тот явно произошёл от обезьяны. На что Квест аккуратно заметил, что на самом деле этот эволюционный процесс до сих пор не завершился. «Человек, – писал Квест, – это до сих пор всё та же обезьяна, которая научилась говорить. В ком-то обезьяны побольше, в ком-то поменьше, но живёт она до сих пор в каждом из нас настолько, что во многих гуманоидах человека вообще почти не видно».

Всё это чрезвычайно забавляло меня и очень соответствовало моим тогдашним представлениям об устройстве окружающего мира. Поэтому не покажется странным, что меня сильно потянуло на более тесное знакомство с ним. Я написал ему что-то пространное, он ответил, и мы стали переписываться.

Я привожу здесь эти послания Квеста, чтобы, во-первых, точнее обрисовать этого «героя нашего времени» и виртуального пространства, а во-вторых, для другой цели, о которой пока говорить преждевременно. Больше я ничего о нём знать не мог, поскольку, хотя мы и «сдружились» в сети, но не настолько, чтобы нас потянуло встретиться в реале.

ЭЗОТЕРИЧЕСКОЕ

Вы, конечно, можете спросить, почему политическая болтовня в соцсетях была так интересна мне.

Сейчас объясню. Дело в том, что я по натуре тогда полагал себя убеждённым предателем.

Что это вы это так встрепенулись? Нет, я никого не убил, никого не зарезал. Я окончил философский факультет МГУ, свободно говорю на английском, исправно хожу на работу в энергетическую компанию, зарабатываю хорошие деньги, не ворую, предпочитаю семью не иметь, но тёлки на меня – тридцатилетнего самца, особенно наглядевшись всякой медиадряни, вешаются гроздьями. Бывал почти во всех развитых странах Европы, имею представление о том, как там люди живут. Так вот, – я сам за себя и сам по себе, и никакие социальные связи, тем более – обязательства меня совершенно не обременяют.

Чтобы понятнее было, поясню на отвлечённом примере. Вот, скажем, если бы поймали меня фашисты, привели на допрос и спросили, где находится партизанский отряд, то я бы пыток ждать не стал, рассказал бы сразу всё, что знаю, перешёл бы на сторону врага и никаких бы моральных переживаний на эту тему не имел бы. Почему? А нахрена мне эти прокурорные и заидеологизированные кретины в партизанском отряде, на словах готовые идти на смерть за Родину и товарища Сталина, доблесть которых вырастает в них из-за их же маргинальной боязни репрессий и заградотрядов?

Я, как и Квест тогда, думал, что человек в глубинной сущности своей просто устроен. Где безопаснее и сытнее, там и Родина, а все эти деления на своих и чужих – бред один в воспалённых умах элементарных лузеров. Если, не дай бог, такие соберутся в кучку, так они от зависти к преуспевающей части населения готовы всю планету в прах разнести во имя какой-то там идеальной «свободы», в которую недоумки верят, но никто никогда не видел. В политике, как метко выразился Квест, всегда дело – в деньгах, но вся сила – в дураке, которого проходимцы всё время убеждают в какой-то ереси.

Предвижу ваши возмущения: а как же наше русское единство, как же великая литература Толстого, Пушкина, Гоголя?! Зачем вы, мнящие себя интеллигентами, так любите орать на эту «патриотическую» тему?

Вы сами-то этих классиков когда-нибудь читали? В школе проходили? Что ж, давайте разберёмся, что вы «проходили». Давайте возьмём что-нибудь самое патриотическое из восьмого, скажем, класса.

Большинство наших национальных патриотов с трудом вспомнят сюжет гоголевского, например, «Тараса Бульбы», да и то не по оригиналу, а по последнему кинофильму с Богданом Ступкой. Про доблесть и преданность Тараса Бульбы школьники поколениями переписывают сочинения друг у друга, но перечитать само произведение не удосуживаются даже учителя по литературе, а признанные интеллектуалы от литературы, похоже, лукаво делают вид, что всё в порядке.

Так вникните же, наконец, хоть кто-нибудь внимательно в это бессмертное произведение. Про то, как доблестный патриот своей родины Тарас Бульба, напившись, похоже, до озверения, издевался над собственной женой, как вместо радости от встречи с сыном устроил с ним грубый мордобой в качестве милого русскому сердцу образца этнических особенностей семейных отношений. Почитайте, как Гоголь описывает подонство великой «Запорожской сечи» – тогдашней национальной гвардии, как мило живописует жуткие казни провинившихся членов этой мафии и, как, презрев все международные договоры, эта мафия, не просыхающая от бухла, напала и начала морить голодом мирный польский город на чужой, кстати, территории, мечтая завладеть, прежде всего, богатой казной. Для этого доблестные воины начали сдирать кожу с простых окрестных жителей. Они же, наверное, в качестве хрестоматийных

примеров для этнического подражания вырезали груди у женщин в окрестных селениях, убивали младенцев, ради забавы топили ни в чём не повинных жидов. Где это всё записано? Кто не верит, – тот пусть всё-таки выберет время, чтобы прочесть этот бессмертный гоголевский подлинник. Да! Там это все есть.

Но, как только сын главаря мафии, доблестного Тараса Бульбы, предпочёл вечно прекрасную любовь служению опустившимся донельзя подонкам, так тут же жестоко получил пулю от «пахана». Получил от кровного, между прочим, пахана-родителя.

И вот, чтобы получить пятёрку по литературе, школа из поколения в поколение заставляет прилежных и послушных недорослей писать сочинение на тему «Тарас Бульба – народный герой». Опомнитесь, педагоги! Ведь не героя рисовал великий Гоголь в этом эпохальном произведении, а отвратительного главаря кровавой мафии. Кто же тогда здесь из нас больший предатель и сволочь? Я или Министерство образования? Теперь я точно – предатель, и предателем стал как раз тогда, когда, прочитав в школе эту вещь, подметил сказанное в школьном сочинении. За что классная дама с пышным задом, измученная безденежьем, вкатила мне трояк с мотивировкой «уход от темы».

Случилось так, что я и Квест стали интересны друг другу изначально, основываясь на общем стремлении воспринимать мир совершенно без присущих ему масок. При этом ни он, ни я, в принципе, не отрицали мораль. Совсем – нет! Просто мы воспринимали её, понимая всю глубочайшую сложность проблемы. Понимая, что общие принципы не сводимы к сиюминутным рецептам для жизни в каждом конкретном случае. Мне тогда даже казалось доблестью, что я способен к преодолению догматических барьеров, которые навязывает, например, религия и вообще – любой социум в стремлении к порабощению каждой личности. Прав ли был я в этом? В ту пору никаких сомнений я не испытывал по этому поводу. Но я сейчас пишу эти строки потому, что, признаюсь откровенно, пережив все эти события, стал осторожнее и многое теперь воспринимаю с точностью до наоборот.

Наверное, больше для себя пишу, поскольку для меня совершенно не важно, кто и когда хоть раз это прочитает. Получается, пишу я это самому себе, и, оказывается, есть в том особое удовольствие. Я это пишу и одновременно это читаю, с удивлением обнаруживая, что интересное и занимательное, понимаете ли, получается чтиво. Оно, оказывается, содержит некоторые истины, которые мне иным способом никогда бы не открылись.

Однако вернёмся к нашей истории.

Несколько настораживало меня только то, что Квест, подружившись со мной, старательно избегал разглашать какую-либо информацию о себе. Обо мне он как-то умудрялся выпытывать что-то, а о себе ни разу не сказал ничего. Как я ни пытался вывести его на откровения по этой теме, он откручивался, отшучивался и отключался от сети с намёком на неуместность этого моего интереса к его личности.

Ещё в жизненной позиции Квеста меня тогда смущало оригинальное понимание исторического детерминизма. Я попытался с ним спорить на эту тему. Однако на этом он меня и «сделал».

Он утверждал, что жизнь меняется по воле событий мелких и абсолютно случайных. Я полез в полемику. На это Квест тогда и предложил мне сделать эксперимент, что-нибудь «из ряда вон выходящее».

– Ты иди, – написал он однажды, – к ближайшей станции метро вечером, часикам к шести, и сделай что-нибудь неординарное. Скажем, подойди к самой заметной мусорной урне и брось в неё скомканный листок от какого-нибудь журнала. Подожди секунд пятнадцать и брось другой, а потом и третий. Утверждаю, что, возможно, вот даже такая ерунда иногда способна в корне повлиять на то, что ты называешь «историей».

– Что за глупая мистика? – возмутился я на это.

Но было уже поздно, и Квест отключился от сети.

ЧЕМОДАНЧИК

Странно, но всю ночь я промучился какими-то сомнениями, то ли предчувствиями. То мне казалась очевидной глупость такого предположения, то не давала покоя странность этой фатальной убеждённости Квеста. Скорее всего, дело состояло в том, что я тогда из-за его меткой и порой неожиданной экзистенции, которая выплёскивалась из него подобно воде родниковой, уже начал подспудно воспринимать его в качестве своеобразного наркотического средства. Общаться с ним, имеющим если не убедительные, то хотя бы оригинальные ответы на все вопросы, было интересно, чем дальше – тем больше.

Я тогда окончательно решил, что он так пошутил, проверяя меня на вшивость, и успокоился на том. Но, когда, вечером возвращаясь после работы домой, я вышел из метро, странный интерес вновь овладел моей натурой. Я подумал, почему бы и не пошутить, если есть желание. Мои ноги сами прошагали в ближайший киоск, а руки купили какую-то жёлтую прессу.

Теперь-то я могу предполагать, что Квест мог предвидеть всё это брожение сомнений в моей голове. Было ли это с его стороны железным расчётом? Не могу сказать. Однако сейчас, когда я пишу эти строки, осмыслив всё впоследствии происшедшее, меня, по некоторым причинам, оторопь берёт от этих его талантов, но не буду забегать вперёд, – всё по порядку.

Я подошёл к самой заметной урне, от которой распространялось кислое амбре сложного букета никотина и всякой другой человеческой пакости, оторвал от журнала страницу и бросил в её в зловонное жерло. Боже мой, – подумал я тогда, – какой я идиот, хорошо, что никто не знает, зачем я это делаю. Тем не менее я ещё и ещё раз проделал ту же процедуру. Мир, конечно, от этого не перевернулся. Усмехнувшись, я кинул туда же весь журнал. Мимо меня скользила толпа с серыми озабоченными лицами, и никто в мою сторону даже головы не повернул. Подождав чуток, я, оглядевшись и усмехнувшись, собрался топтать домой длинной дорогой через парк, чтобы прогуляться по теплеющей вечерней майской погоде.

– Молодой человек! – вдруг услышал я неуверенный мужской голос позади себя.

Я обернулся. Передо мной стоял начинающий стареть и полнеть мужчина, судя по одежке, – не очень бедный представитель какого-нибудь офисного планктона. Глядел он куда-то в сторону, а в руках спереди держал средних размеров коричневатый чемоданчик.

– Это – вам, – сказал он, протягивая мне этот самый чемоданчик.

– Вы меня с кем-то путаете, – мне показалось, что некто изнутри меня крепко схватил меня же за глотку.

– Нет, – ответил он, – не путаю.

– Я ничего у вас не возьму! – запротестовал я, попытавшись освободить рукав.

– Да, меня об этом предупреждали, – кисло усмехнулся он.

Он с просительной тоской снова посмотрел на меня и поставил чемоданчик у подножия киоска с мороженым, возле которого стояла та самая урна с вырванными и брошенными мною листами из журнала.

– Мне велели оставить это тут, а вам лучше забрать это отсюда. Вы, конечно, можете и отказаться, но они сказали, что это не в ваших интересах.

– Кто это «они»?

Он в ответ вздохнул, опять тоскливо посмотрел на меня, молча повернулся и смешался с общей толпой, спешащей к входным дверям в метро.

Что же мне тогда было делать: повернуться и уйти? Тогда я сразу подумал, что это – подарок от Квеста. Но всё-таки многие сомнения пугали меня даже при этом обстоятельстве. Я отошёл от киоска метров на пятнадцать. Не понимаю, что меня так удерживало от того, чтобы немедленно сбежать оттуда. И это было бы правильно со всех сторон. Но я так не сделал. Я прислонился спиной к серой стене здания метрополитена, чтобы через толпу наблюдать

за чемоданчиком. Взять его я не решался, но и уйти преспокойно тоже не получалось. К киоску подходили люди, покупали мороженое. На чемоданчик никто внимания не обращал. Видимо, работал простой «багажный» рефлекс: если есть багаж, то рядом где-то есть хозяин. Я стоял так минут семь, не зная на что решиться. Но, видимо, с некоторых пор за чемоданчиком наблюдал не один только я. Какой-то малорослый кавказец подошёл к киоску, секунд пятнадцать косым взглядом пялился на чемоданчик. Потом начал покупать мороженое и вроде бы случайно пнул чемоданчик ногой. Чемоданчик опрокинулся на бок. Никакого взрыва не последовало. Значит, скорее всего, не бомба, – решил я тогда, и ноги сами поспешили направить меня к киоску с мороженым. Я подошёл со спины этого кавказца и уверенно поднял чемоданчик за ручку. Кавказец, конечно, предпочёл сделать вид, что меня даже не замечает. Ладно, попробуем разобраться, в чём тут дело. Бомба, наркотики или деньги – три версии начали метаться в моём воспалившемся воображении, но всё перекрывало периодически накатывающееся убеждение, что – это Квест мне что-то приготовил. В этих противоречивых сомнениях мне пришлось дотопать до своей холостяцкой квартиры.

Не разувшись, я проследовал на кухню и водрузил чемоданчик на стол. Вскрывать или не вскрывать? Или обратиться к полициям по поводу странного приобретения? Стоп, – подумал я, – к полициям было бы правильно обратиться прямо там, – у метро, вызвав их по сотовому телефону. А сейчас что может получиться? Заметут вдруг в цугундер, если тут наркотики, например. Что этим законникам понадобится, может, просто – виновного назначить, чтобы медаль получить.

Я тогда решил пока не вскрывать. Резоннее, – подумал я, – сначала у Квеста справиться, в чём тут дело. Во что такое он меня втянул?

Улыбающаяся рожица квестовского аватара в скайпе светилась зелёным светом.

– Квест, ау!

– Что? – сразу ответил он.

– Я кинул в урну листы журнала, как ты сказал...

– Ну?

– Теперь гадаю, что в этом чемоданчике?

– В каком чемоданчике? – заявил он, помолчав секунд пять.

– В коричневом, – уточнил я.

– Ничего про то не знаю, – ответил он.

– Как это? – простодушно удивился я.

– Правда ничего не знаю, – ответил он.

– Ты же мне вчера это предложил сделать...

– Пошутил, конечно, а ты что – всерьёз купился?

– Ну и шутки у тебя, – начал ещё больше волноваться я и расписал ему в подробностях всё, что со мной приключилось у киоска с мороженым.

– Всё это, конечно, весьма подозрительно, однако, честно, я совсем не имею к этому отношения, – ответил Квест, – видимо, что-то случайно с чем-то совпало. А я ведь тебя предупредал...

На вопрос «что мне теперь делать с этим чемоданчиком?» он ответил, что ничем помочь не может. Хотя и любопытно, что там может быть внутри.

– Хорошо тебе давать дурацкие советы!

– Тогда на тебе умный совет: не смотри, а сразу выкинь на помойку, – сказал Квест и прислал мне смеющуюся рожицу с разводящимися в стороны руками.

Я решил для себя две вещи: во-первых, Квест, скорее всего, – врёт, а во-вторых, ничем он мне помочь не хочет, и я предпочёл закрыть ноутбук.

Вернувшись на кухню, я, преодолев сомнения и страхи, решил, что лучше глянуть-таки на содержимое портфеля. Я понюхал его для порядка и, как доблестный «агент 007», послу-

шал, не тикает ли что внутри. Портфель пахнул химией синтетической кожи и молчал, как брянский партизан. Эх, была не была, – решился я с отчаянием хрестоматийной Пандоры. Два боковых замка чемоданчика звонко щёлкнули, и чемоданчик раскрыл свою широкую желтовато-зелёную пасть.

Это были не бомба, не наркотики и не деньги. В нём ровными рядами лежали раскрашенные в пастель пластиковые карточки. Их блоки были перехвачены конторскими резинками для денежных купюр. Рядом лежал какой-то прибор, похожий на игровую приставку для компьютера. Интрига, похоже, набирала обороты. Я вытащил одну карточку. На ней была приклеена маленькая бумажка с двумя цифрами. Похоже на логин и пароль, – решил я, – пока ещё не успев испугаться. Это ж что такое? Вряд ли стоит подробно описывать, какую бессонную ночь я отмучил и в этот раз. Морфей накатил на меня, вконец изнурённого, только с началом рассвета.

Поэтому утром я сначала почувствовал, что почему-то неохота просыпаться, а потом, вспомнив обстоятельства, подумал, что сейчас войду на кухню, а там нет никакого коричневого чемоданчика. Может, «рассосался» как-нибудь за ночь.

Однако – нет. Чемоданчик всё так же лежал, зараза, посреди стола и был полуоткрыт, обнаруживая всё то же загадочное содержимое. Была суббота, работа меня не ждала. И посоветоваться, кроме Квеста, мне было не с кем. Я уселся за монитор и начал грузить Квеста подробностями в скайпе. Он в ответ долго рисовал мне рожицы, то смешливые, то удивлённые, но – ничего по сути.

– Ты меня втянул в это дело, чёрт знает, что это такое! Хватит тебе издеваться! – обиделся я.

Он некоторое время, кажется, раздумывал, а потом сжалился и предложил мне взять чемоданчик и попробовать вернуться к тому месту, где я его подобрал. Скорее всего, – рассуждал он, – эта посылка попала к тебе случайно, а значит, кто-то должен искать эту посылку. Если уже обнаружили ошибку, то, вероятно, должны как-то караулить то место, где они это потеряли. Понимая твою логику человека не причастного, они поймут, что ты захочешь вернуть чемоданчик туда, откуда ты его получил.

Мне это показалось достаточно убедительным, поскольку ничего иного я выдумать не мог.

ПОЛОСКУН

Несмотря на субботу, толпа около метро, похоже, совсем не поредела. Я отчаянно подошёл к киоску с мороженым и встал рядом, прижав чемоданчик к животу. Решил, что стоять так буду минут пятнадцать, и, если никто не придёт и не побеспокоится, то с чистой совестью сразу выкину чемоданчик на помойку. Раздражение во мне росло с каждой минутой, поскольку ощущал я себя погано, представляя, что выгляжу здесь, как шлюха на панели.

Однако долго стоять мне не пришлось. Я понял, кто меня здесь ожидает, когда увидел того самого низкорослого брюнета, который вчера вместе со мной караулил злополучный чемоданчик у подножия киоска. Он медленно пробирался ко мне через толпу с такой улыбкой, которую мне сразу захотелось прихлопнуть на его мало бритой морде, как назойливую муху.

Он многозначительно поздоровался и на мой немой вопрос похвалил меня за то, что я пришёл. Я протянул ему чемоданчик.

– Забери, меня это не интересует.

– Это теперь твоё, – нагло заявил он, – теперь тебе надо «полоскуна» послушать... Вот тут написан адрес. Здесь тебя сегодня вечером будут ждать, – и протянул мне бумажку.

На ожидаемый вопрос, кто меня там будет ждать, – он пожал плечами:

– «Полоскун» будет ждать, а кто – конкретно сказать не могу...

Я сказал, что никуда не пойду, а чемоданчик прямо сейчас выкину.

– Не дури! – ответил он и сунул бумажку мне в грудной карман. – Надо будет – потом выкинешь. Скорее всего, – не выкинешь.

Признаюсь, я оробел слегка от этой его наглой уверенности, а он, пользуясь моим замешательством, просто развернулся и пошёл прочь.

Я посмотрел на бумажку. Там был написан адрес какого-то ресторана «Эгоист», а последним словом было имя Анжела.

Как бы вы поступили на моём месте? Теперь-то я понимаю, что если бы я тогда не считал себя «предателем», то я бы никогда не сделал бы следующий шаг.

Короче говоря, сами понимаете, вечером я попёрся по адресу в лапы «полоскуна» Анжелы. Единственным моим желанием при этом было безболезненно вернуть этот чёртов чемоданчик. Квеста я уже решил не беспокоить никакими вопросами по этому поводу, поскольку понимал, что это, наверно, бессмысленно.

Ресторан «Эгоист» оказался расположенным в отеле с аналогичным названием и был вполне уютным заведением, разделённым на множество небольших и уютных секций для курения кальянов, питья и обжорства в составе небольших компаний. Ненавижу рестораны из-за всегда пошлой фоновой музыки, от которой у меня пропадает аппетит. Но в этом «Эгоисте», напротив, кто-то умный догадался чуть слышно пустить стилизованную органную музыку, похоже, написанную каким-то классиком для католического собора.

Анжелу я угадал сразу. Выглядело это, как в пошлом детективе. Грамотно покрашенная стержочка слегка бальзаковского возраста ожидала посредине стойки бара для порядка с чашкой и тонкой сигаретой. Я подошёл и сел рядом так, чтобы между нашими локтями оказалось расстояние примерно в один метр. Чемодан поставил на пол и прижал ногой к стойке бара. Кивнул на немой вопрос бармена, и он сразу сунул мне чашку капучино.

– Здравствуй, – сказала Анжела, посмотрев на чемодан.

Я представился как Серафим. Она непринуждённо засмеялась этой шутке, и я по этой своей уловке понял, что она обо мне знает гораздо больше, чем мне хотелось бы. Интересно – откуда? Я заявил, что хочу вернуть «им» чемоданчик. Анжела улыбнулась и заявила, что теперь это не так просто.

Теперь вспоминая всё происшедшее со мной, я с высоты своего опыта вполне понимаю, что тут для меня был последний шанс оставить ей чемоданчик и просто сбежать из ресторана, ничего не говоря и не прощаясь. Просто – развернуться и уйти. Но я бы так и поступил, если бы тогда не считал себя предателем, понимающим всю условность многих моральных установок. Как ни странно это прозвучит, но, оказывается, из этой моей самооценки произрастала специфика некоторой любознательности, положительно откликавшейся на разного рода авантюры. Было ли и это просчитано, в смысле – то, что я не сбегаю сразу от этой Анжелы с их чемоданчиком? Даже сейчас, когда я пишу эти строки, я не могу этого утверждать. Мне становится страшно дать утвердительный ответ на этот вопрос. Лучше бы мне не знать его до конца дней своих.

Поэтому, когда Анжела предложила для разговора уединиться в свободную ресторанный секцию, то я согласился, и мы со своими чашками и чемоданчиком проследовали на уютную окраину зала.

Там она устроилась напротив меня на длинном сидении с подушками и началось собственно «полоскание».

По ряду причин мне нет смысла вдаваться в мелкие подробности нашего диалога, сообщу главное. Как я уже начинал слегка догадываться, в чемоданчике находился, как она объявила, – «некоторый хакерский продукт», позволявший безнаказанно тырить деньги с чужих банковских счетов. Я откровенно рассмеялся: вряд ли меня заинтересует вероятность пожизненного срока в тюремной зоне. Но Анжела как-то слишком спокойно и ожидаемо переждала приступ моего недоверия.

– Я понимаю, – сказала она, но учти, что продукт устроен так, что от тебя не требуется особого риска, а только рабочее время для работы в сети интернет. В этих операциях невозможно определить, кто управлял компьютером, перебрасывая деньги с одного счёта на другой. Я могу рассказать – почему. А щедрую оплату труда я должен был произвести себе сам, перебрасывая определённую сумму с одних банковских счетов на конкретно эти банковские карточки.

– А если я обману? – удивлённо заметил я. – Что мне за это будет?

– Твоё право, – ответила Анжела, – я и сама не знаю, что за это будет. Может, и плохо будет, а может, – ничего не будет. Но лично я предпочитаю жить по правилам и до сих пор не жалею об этом.

– А если я откажусь?

– Тоже не проблема, тогда просто верни чемоданчик, – было сказано так просто, что стало ясно, – очевидно, Анжела была подготовлена к любому развороту событий в процессе «полоскания» клиента.

– Я отказываюсь, – заявил я и положил чемоданчик на диван рядом с Анжелой.

– Если так, тогда не мне это надо вернуть, – подняла ладошки Анжела, а во-вторых, ты плохо понимаешь, от чего отказываешься. Подумай хорошенько, у тебя сейчас единственный и неповторимый шанс на всю оставшуюся жизнь не иметь никаких проблем с деньгами.

Но я упрямо поинтересовался: кому тогда вернуть этот дар судьбы? Она ответила, что я могу вернуть чемоданчик тому же человеку, который дал мне её адрес. За это тот кавказец, как я понял, выдаст мне сто тысяч рублей в качестве компенсации за моральный ущерб, беспокойство. Но, если я соглашусь передать этот чемоданчик другому клиенту, которого мне укажут, оплата вырастит до полумиллиона рублей.

Тогда я, естественно, поинтересовался, а сколько же получают клиенты за выполнение задания? Она ответила, что половину от всех переброшенных сумм, – то есть всякий раз более десятка миллионов долларов. Я ещё больше уверился, что у неё действительно был достаточно значительный опыт в «полоскании» клиентов, судя по тому, как она выдержала многозначительную паузу после этого сообщения. Затем она, не дожидаясь моего ответа, начала расска-

зывать подробности самой технологии. Тогда я начал догадываться, что и она, и все те, кто за ней стоял, прекрасно знали обо мне очень многое, если в некотором смысле не всё.

Во-первых, она использовала термины, которые в точности соответствовали моему, признаюсь, достаточно, как говорится, несколько «продвинутому» уровню в компьютерных технологиях. «Чайник» бы ничего не понял. В результате выяснения подробностей я вполне отчётливо осознал, что единственная сложность для меня состояла в том, чтобы найти такой компьютер, подключённый к интернету, чтобы он никак не был ассоциирован со мной, а также я не оставил никаких следов о моём контакте с этим компьютером. В остальном схема выглядела достаточно надёжной.

Во-вторых, её речь была подготовлена и выверена не только в техническом, но и в «психологическом» смысле, ориентированно на моё личное жизненное кредо. Я заметил для себя, как она не стеснялась слов, допустимых для моего мировоззрения, но которые были бы неуместны и насторожили бы кого-нибудь другого.

Сволочь Квест, помню, я подумал тогда.

По ходу она очень чувствительно и, по-видимому, предусмотрительно учитывала мои сомнения, которые неизбежно возникали в процессе её монолога, и каким-то неведомым чутьём угадывала их степень, хотя, конечно, не могла постигнуть их точной природы. Короче говоря, это «полоскание» моих мозгов выглядело вполне профессионально.

Между тем отнюдь не вероятность уголовного наказания повергала меня в некоторое уныние и сомнение. Для меня катастрофической показалась сама возможность реализации подобной технологии. Лихая это была «схема», – гениально было задумано. Сами посудите, на банковской карточке сейчас весь мир стоит, как стоял он раньше на слонах, стоящих на черепахе, плывущей по морю. Вышиби одного из слонов, – и весь мир сразу рухнет. Теперь, значит, оказывается, вся наша финансовая система – это такая же ненадёжная конструкция. Для современного мира возможность безнаказанного грабежа подобного рода – катастрофа, а я как часть этого мира, стало быть, тоже не смогу избежать печальных последствий. Эта перспектива меня в первую очередь печально огорчила.

– Послушай, – решил спросить я, – а как же вы сами-то рискуете. Ведь я отсюда могу податься в полицию и сдать этот чемоданчик прямо туда.

Анжела не перестала мило улыбаться.

– Нет, – ответила она, – такого никогда не случалось ни с одним из клиентов. Зачем? Ты на досуге поразмыслишь, проанализируешь ситуацию и, если ты не совсем... – она покрутила пальцем у виска, – и мы в тебе не ошиблись, – придёшь к простому выводу, что выявить полностью такую сеть хакеров невозможно из-за специфики её устройства. Тогда зачем проявлять глупый героизм, если в любом случае можно воспользоваться удачей с пользой для себя.

Я решил ещё немного поупрямиться для порядка.

– А как вы справляетесь с моральной стороной дела? Ведь это, как ни крути, а элементарное воровство.

Анжела и тут не растерялась.

– Дело в том, что все эти средства на карточках – с тех счетов, которые их хозяева никогда не будут искать при помощи полиции, а тем более – Интерпола. Более того, они, скорее всего, даже не заметят их пропажи. Сам понимаешь, что это за счета. Может, на эти средства скоро купят какого-нибудь политика, или оружие, или вообще атомную бомбу, чтобы шарахнуть её посередине какого-нибудь мегаполиса. Это, уверяю тебя, не то, что зарабатывают в поте лица трудами праведными. Так это ничего, что эти люди немного с нами поделаются.

– Кто это вы? – спросил я и сам почувствовал, что глупость сморозил. Анжела даже посмотрела на меня с некоторым удивлением, дескать, вот такого от тебя не ожидала.

Однако ответила, проявив вежливость:

– Кто мы и сколько нас, вообще никто из нас не знает, мне так кажется. Система как-то разрастается по своим правилам. Меня ты больше не увидишь, того, кто тебя сюда прислал сюда, – тоже. Так что решай.

– У меня есть время подумать? – спросил я.

– К сожалению, время «на подумать» не предоставляется, ты решаешь сейчас.

– Но ведь если у меня нет дней, чтобы подумать, то наверняка есть какие-нибудь минуты?

– Это пока мне не надоест полоскать тебе мозги, – засмеялась Анжела, – однако, думай, максимум – минут пятнадцать.

Я начал думать. Мозги мне, конечно, «прополоскали» капитально. Ситуация точного ответа не предоставляет, но заставляет принять решение.

Мысли мои отказывались ходить стройными рядами. Поэтому только минут пять мне пришлось потратить на то, чтобы мой организм слегка успокоился от таких сведений. Затем только появилась некоторая возможность рассуждать так, как я привык.

Значит, это – система с неизвестным количеством членов и обладающая какими-то надсистемными свойствами, обеспечивающими её бесперебойное функционирование. Если это так, то отдельные члены должны точно действовать согласно некоторым правилам, если не хотят получить что-нибудь неприятное в качестве наказания. Само собой разумеется, должны существовать и механизмы, поддерживающие какие-то санкции за нарушения системных правил. Кажется, эта хакерская сеть слишком солидная штука, чтобы просто «обижаться» на своих членов. Но это не стопроцентно, а так – из общего понимания ситуации.

Что мне тогда делать? Главное – не стать каким-нибудь системным заложником или агнцем на заклятие. Подчиниться, видимо, придётся, но как? Я думал, исчерпав весь лимит положенных мне минут.

– Решаю так, – заявил я по истечении отпущенного времени, – обещаю сделать всё, чтобы меня не сожрали, даже если то будет не угодно системе.

Анжела засмеялась и посмотрела на меня теперь как-то расслабленно, уже с бабьим интересом. Я этот взгляд ни с чем не перепутаю. Может, это и рассчитанное актёрство было, тогда – «зачёт» Анжеле. В любом случае именно эта её реакция зрелой самки меня почти успокоила, заинтриговала и обнадёжила. Если бы она желала мне неприятностей, то вряд ли стала бы себя так вести. Это, как бы сказать точнее, неэкономно для психики обычного гуманоида женского пола. В смысле – зачем даже слегка влюбляться в того, кто скоро содохнет по твоей вине?

Конечно, сейчас мне очень потребовалась любая информация об этой хакерской системе. Но где её взять? Вполне резонно, решил я, узнать что-то у самой Анжелы. Тут мне пришлось включить весь свой арсенал мужского обаяния, чтобы «раскрутить» её на откровения. В общении она оказалась довольно примитивной скучающей одинокой бабёнкой, весьма невысокого рейтинга в моей личной «научной» классификации. Анжела была из тех, которые были всегда готовы к примитивным развлечениям в стиле чесания гениталий с тем, у кого хоть что-нибудь и когда-нибудь стоит, и с которым «можно о чём-нибудь поговорить».

Мне пришлось часа полтора выслушивать и поддерживать её охи и придыхания по поводу театральных премьер и картинных галерей, в которых она, ни черта по сути не понимая, фактически видела только атрибут собственного социального статуса.

Такие бабёнки совсем не чувствуют того обстоятельства, что и современные театры и всякий поп-арт заточены на то, чтобы «снять деньги» вот с таких зажиточных «светских львиц», а также их мужей и любовников, продавая им иллюзию собственной исключительности и принадлежности к культуре богемного толка. В древние времена эту сладкую денежную пошлятину в русский театр протащил хитрый Мейерхольд. Её потом пытались высмеять И. Ильф и Е. Петров в образе театра «Колумб». Но находка оказалась очень живучей и, как раковая опухоль, до настоящего времени разъедает почти все наши театры, на которые время тратить, на мой взгляд, в таком количестве по крайней мере – нерационально. Тут процветает мелкоте-

мье, пересыпанное демонстрацией сценической истерии на основе широко известной системы Станиславского. Исключительная демонстрация на сцене сильных эмоций и находок современных технологий в виде лазерного шоу для протухающего от скуки обывателя – это разновидность лёгкого наркотического опьянения. Но все эти бабские вздохи и восторги мне пришлось вытерпеть. Так Анжела заводила себя на секс и заодно сильно облегчала мне задачу поиска тем для словесных прелюдий. Господи! У хомяков, наверное, любовные игры сложнее теперь оказались, чем у продвинутых современных гуманоидов.

В том же отеле ближе к вечеру после нескольких бутылок дорогого шампанского мы сняли апартаменты для любовных утех. Когда мы оба устали, я задал ей как бы между делом всего один вопрос:

– Анжела, а кто такой Квест?

По тому, как напряглось её тело под одеялом, я понял, что этот персонаж вызывает у неё панический ужас. Однако она сначала молча курила, потом долго убеждала меня лучше не лезть в подобные тонкости. Я заупрямился так, чтобы отсутствие ответа выглядело как личное мне оскорбление с её стороны. Она, пребывая ещё под впечатлением от нашей недавней близости, долго вздыхала, а потом всё-таки кое-что рассказала. По её словам, вся эта хакерская система разделена на автономные системы и некоторые касты. Такие, как она, «полоскуны», это достаточно невысокий, хотя и не последний уровень. А вот такие, как Квест, – это некая элита, так называемые «инициаторы», которые только имеют связи и информацию об автономных сегментах конструкции. Хотя секретность тут, как представляла Анжела, была настолько сложной и запутанной, что часто одно крыло организации не ведало, что делает другое. Квест, рассказывала она, часто действует в сети под разными именами.

– Это страшный человек, – призналась Анжела, – стоит ему захотеть, от нас с тобой и пепла не останется. При том даже полиция долго искать не будет. Не знаю, как это всё удаётся, но факт есть факт.

Потом она долго умоляла меня точно выполнить всю работу и не делать никаких лишних движений. При этом я видел, как дрожали реснички на её голубеньких глазках. Она показала мне бумажку с напечатанным адресом.

– Адрес надо запомнить наизусть и нигде не записывать. – Она подождала, пока я прочитаю и запомню адрес, смяла бумажку и добавила: – Чемоданчик ровно через неделю в девять часов вечера надо будет вернуть тому, кто его спросит в этом месте.

– А что будет, если я этому Квесту чем-то не понравлюсь?

– Беги! – коротко выдохнула она. – Это будет, скорее всего, бесполезно, но даст иллюзию и надежду на некоторое время.

На трагической ноте мы расстались, как я понял, навсегда.

МОИ ДЕНЬГИ

Никакой радости от возможности внезапно разбогатеть я не испытывал. Увы, не жажда наживы далее управляла моими дальнейшими поступками, а простой и липкий страх. Я пошёл на это дело только потому, что понимал, что теперь в случае отказа от сотрудничества с этой «сетью» шансы выпутаться из той истории живым и здоровым у меня вряд ли появятся. В принципе моего понимания этого дела хватало на то, чтобы понять главное правило всей технологии: завербованные клиенты должны быть абсолютно надёжными и покладистыми или никакими, – то есть мёртвыми. Любой сбой здесь и утечка информации в течение некоторого времени могут болезненно «откусить» часть этой хитрой денежной кормушки. Постоянно переживая и не переставая проклинать себя за дурость, я решил всё-таки действовать в русле навязанных мне правил, чтобы хотя бы выиграть сколько-нибудь времени для какого-нибудь манёвра.

Я не буду здесь по понятным причинам вдаваться в технические подробности технологии, цель моя не в этом. Скажу лишь, что тогда способ, придуманный каким-то безвестным хакером, с одной стороны, казался простым, как коровье мычание, а с другой стороны, так ловко заметал электронные следы, что я даже не мог представить, как можно обнаружить злоумышленника. Чисто теоретически это могло случиться, но вероятность такого события была ничтожно мала.

Одна была загвоздка: надо было где-то найти компьютер, со мной «никак не ассоциированный». Здесь, конечно, не годились ни интернет-кафе с их возможными видеокамерами, ни компьютеры друзей и даже – отдалённых знакомых. В принципе можно было бы воспользоваться модемом с чужой сим-картой. Но мне эта идея не понравилась тем, что всё равно оставалась вероятность значительного, на мой взгляд, риска.

Поразмыслив на тему, я на следующий день сел в свой «Фольксваген» и поехал за город «куда глаза глядят».

Начиналось лето, семидесятый километр от МКАД встретил меня запахами забеременевшей природы. Только в начале мая бывает такой запах. Дачники пёрли по шоссе стройными толпами, гудя и нервничая в пробках. Но вот вереница машин к вечеру рассосалась по боковым плечам шоссейной дороги, и по бокам её потянулись редкие, но богатые хутора зажиточной части населения. Что-то подобное мне как раз и нужно было для выполнения намеченного плана. Уже в ночи я свернул на боковую грунтовку и через три километра в свете фар обнаружил нечто для меня подходящее.

Это был небедный дом, хотя и с признаками некоторого количества «экономвариантов». Окна его не светились, вместо каменного забора с колючей проволокой он был огорожен рабицей, на фасаде живописно примостилась телевизионная тарелка. По всем признакам здесь должен быть интернет, но не должно быть хозяев и сигнализации.

Я загнал машину в чащу близлежащего леса и, дождавшись полной темноты, проник, перепрыгнув через рабицу, к двери дома.

Посветив фонариком в окна первого этажа, я обнаружил в доме дешёвую мебелишку из «Икеи», что свидетельствовало, что здесь красть особо нечего, а поэтому и никакой «охранки» быть не должно. Теперь надо было найти ключ. Я подошёл к входной двери и представил, что мне надо спрятать запасной ключ от дома куда-нибудь в доступное место.

Ближе всего это была почти незаметная щель под подоконником, где я сразу же и нашёл искомое. Что ж, это хорошее и удачное начало. Я попробовал ключ, дверь открывалась без проблем. Но я не стал торопиться. Дверь я закрыл и ключ вернул на место. Я вернулся в машину.

Ровно в два часа ночи, предположив, что сегодня хозяева точно не приедут, я напялил резиновые перчатки, полиэтиленовые бахилы на туфли и зашёл в дом. Я не ошибся. Здесь действительно был компьютер с модемом.

Я приладил к компу свою клавиатуру и мышку, задвинул плотнее занавеси на окнах, включил компьютер и начал действо.

Процесс был достаточно сложный и трудоёмкий. Однако до рассвета я успел перегнать кучу денег по счетам. Но, как мне показалось, это и десяти процентов не составляло от того, сколько денег можно было бы «освоить» таким образом по всем карточкам, которые были собраны в чемодане. Однако всё равно даже того, что успел сделать, мне теперь хватило бы на несколько моих жизней, конечно, если мои потребности мерить днём сегодняшним.

Уже достаточно рассвело, когда я решил завершить процесс. Я достал из пачки одноразовую салфетку, пропитанную ароматизированной пакостью, и тщательно вытер кусочек стола, до которого могли случайно дотронуться мои руки. Затем даже поставил стул в прежнее его положение и вышел из дома. Закрыл дверь на ключ, протёр той же салфеткой ключ, положил его обратно в тайник и, озираясь по сторонам, начал пробираться обратно к машине.

Я уже сел за руль и завёл мотор, и тут взгляд сквозь лобовое стекло уткнулся в глухую стену забора соседней дачи. Забор был шикарный, по всей площади отделанный натуральным камнем. Печальное для меня обстоятельство состояло в том, что на этом чёртовом заборе я заметил охранную видеокамеру, которая предательски тарасилась в сторону моего автомобиля. Этот забор я просто не заметил в ночи, когда прятал машину в кустах. Неприятно, если эта штука сумела «намотать» что-нибудь вразумительное на свои предательские мозги о моей внешности и картинку автомобиля. Но, в принципе, от её ока меня немного прикрывали кусты. Вряд ли сквозь них можно было бы чётко разглядеть меня и тем более низко посаженный автомобильный номер. Это была неприятность, но вряд ли фатального свойства. В любом случае надо было срочно сматываться с места, пока окончательно не рассвело. Я аккуратно сдал назад, коротко развернулся и быстро покатыл по ухабистой грунтовке к шоссе. Было бы ещё хорошо, чтобы до выезда на шоссе никого не встретить. Но не получилось. На развилке грунтовки перед самым выездом на шоссе стоял чёрный джип. Я сбавил скорость, чтобы рассмотреть пассажиров, но надвинул себе кепку на лоб, чтобы они не рассмотрели в подробностях меня. Не есть хорошо от такой встречи, но я успокоился, когда из джипа вылез огромный качок в потёртых джинсах и начал поливать колесо джипа со стороны противоположной шоссе. Когда я проехал мимо в двух метрах от него, он даже головы не повернул. Это было нормально.

Я ехал обратно в город и с удивлением обнаруживал в себе отсутствие большой радости от внезапно нахлынувшего на меня богатства. Наоборот, липкий и неприятный страх как щупальца осьминога влезал во все места моей натуры. С высоты своего небольшого опыта и образования я уже вполне понимал, что ничего в жизни не даётся даром. Более того, даром не даётся даже то, что поначалу кажется, что даётся даром. Видимо, к этому моему новому ощущению надо просто привыкнуть. Ведь так он устроен, наш несовершенный организм. Все страдания наши происходят не оттого, что неприятность приключилась, а оттого, что эта неприятность вообще может приключиться. Чтобы жить с этим и терпеть это, похоже, надо иметь какой-то особенный талант. Чего я, собственно, боюсь? Всё было сделано безукоризненно, за исключением этой проклятой видеокамеры, которая вряд ли вообще что-то разглядела, если даже и была бы включена.

Что ни говори, а я по государственным законам теперь преступник. Я начал утешать себя сравнениями с Робинот Гудом, но это мало помогало. Вспомнились мне даже метания Раскольникова. Что там хотел Достоевский сказать? Что логика – мать совести?

Может, оно так, а может, и не так. Ведь это всего лишь постулат Достоевского о том, что совесть имеет абсолютный характер. Но может случиться, что просто у Раскольникова этого

нужного особенного таланта не оказалось. Вот он и «сдулся», сердечный, в то время как другой бы убийца с талантливими нервами из нержавеющей стали вполне держался бы на плаву столько, сколько надо.

Вот так я тогда утешал себя по поводу содеянного, не подозревая, как жизнь способна разрушать все наши научные потуги на понимание принципов её фундаментального обустройства. Сейчас-то я, скорее всего, жалею того себя из недавнего прошлого, хотя местами даже завидую тогдашней своей уверенности, которую из меня так жестоко вынули дальнейшие мои приключения.

ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ

На всякий случай я на следующий же день заехал в автомойку и, разговорившись с «моджахедом», который орудовал пылесосом, объявил, что хочу скорее продать этого своего коня. У того аж дыхание перехватило, когда я в намерении «продать срочно» назвал цену в два раза ниже того, что мой конь мог бы стоить. У меня создалось впечатление, что он бегал по всему автосервису, собирая у членов его аула требуемую сумму. Короче говоря, уже к концу этого дня я поменял машину и разъезжал на новом шикарном джипе за три миллиона рублей. Да уж, такие деньги у меня теперь были.

И вот наступил день, когда я должен был вернуть чемоданчик. В шесть часов вечера я поехал. До часа икс оставалось ещё четыре часа. Но я выехал заранее. Причина на то была.

Неделя – это достаточно большой срок, чтобы пораскинуть мозгами и проанализировать некоторые обстоятельства. Меня, конечно, не оставляла мысль, что Анжела не рассказала или не могла рассказать мне всю правду. Если замечать детали, то не совсем понятно, почему для возврата чемоданчика нужно было выждать целую неделю. Действительно, зачем такой лаг времени? Не день, не два, а – целая неделя. Я прикидывал и так и этак, но всё время приходил к одному не совсем приятному для меня выводу. Это, по моему разумению, была некая причина не в мою пользу.

Путь мой изначально лежал в торговый центр, в котором я как-то месяц назад покупал аудиосистему, чтобы сделать подарок шефу на день рождения от трудового коллектива. Прикаптив в торговый центр, я припарковал джип прямо перед входом и проследовал в торговый зал, где, пошлявшись минут сорок по залу, купил самую дорогую микроволновую печь. Положив печь в решетчатую тачку на колёсиках, я провёз свою покупку к самому дальнему выходу и, выкатив тачку из дверей, медленно покатил её вдоль торгового центра. Расчёт мой оправдался на сто процентов. Тот, который был мне нужен, сразу заметил моё хорошее настроение, которое я рисовал и походкой, и выражением лица.

За мной увязался слегка небритый молодой brunet худого телосложения, в потёртых кроссовках и в чистенькой, хотя и, видать, много раз стиранной ветровке. Я уже имел с ним дело, знал, что дальше будет, и рассчитывал как раз именно на это.

Он подошёл ко мне.

– Я дико извиняюсь, – начал он, умело краснея и изображая крайнюю степень неуверенности, – у меня здесь украли бумажник. Нет денег даже на электричку, чтобы до дома доехать. Помогите, пожалуйста, мне всего тридцать восемь рублей не хватает на билет. Сумма смешная: и вам необременительная, и мне сильно поможет. Не откажите, – я в отчаянии... – он опустил взгляд куда-то ниже каблучков моих туфель.

Как я и ожидал, он не вспомнил ни меня, ни то, что уже подходил ко мне с этой просьбой неделю назад. Почему я так привлекал его внимание для реализации его плана? Наверное, дело было в том, что мы были весьма друг на друга похожи. Рост, телосложение, я даже заметил, что походки у нас были одинаковыми. Иногда парадоксально чужие люди ходят друг на друга больше, чем однойцевые близнецы. Я так даже однажды поздоровался с одним мужиком в аэропорту, приняв его за друга детства, которого не видел года три. И только после его недоумённого взгляда и первых слов уловил некоторые личностные отличия. Это природное обстоятельство сейчас составляло цель моего визита в торговый центр.

Я некоторое время разглядывал его с нарастающим сочувствием во взоре.

– Друг, – сказал я ему, – понимаю твои проблемы и могу дать тебе пятьсот рублей, если проработаешь сегодня курьером.

– Куда ехать? – он обрадовался.

Я назвал адрес.

– Далеко, – ответил он, – с проездом – семьсот рублей надо.

– Дорого, – сказал я, – шестьсот пятьдесят, – на метро хватит, а иначе – сам отвезу.

– А что надо везти? – спросил он.

– Так себе, ерунду, – я открыл тот самый коричневый чемоданчик, в котором загодя поменял содержимое. Сейчас в злополучном чемоданчике лежал обыкновенный офисный мусор, – листочки с какими-то таблицами.

Он поинтересовался, кто придёт за посылкой.

Я вручил ему адрес и сказал, что чемоданчик просто надо отдать тому, кто его спросит в двадцать один ноль ноль в обмен на шестьсот пятьдесят рублей.

– Семьсот! – упёрся он. – И пятьдесят сейчас на проезд в метро...

Я изобразил кислую мину, но согласился и протянул ему пятьдесят рублей. Потом я достал при нём телефон и, сделав вид, что дозвонился до нужного человека, объявил: приедет парень, передаст бумаги в обмен на шестьсот пятьдесят рублей.

Так мой «курьер» поехал на место с чемоданчиком.

Когда он скрылся по направлению к станции метро, я, подождав определённое время, нанял такси и поехал по названному адресу.

Не скрою, этот маршрут я уже проделывал в опытный порядок несколько раз на собственном «Мерседесе» в течение трёх дней, и я с точностью до двух минут знал время в пути с учётом всех пробок и светофоров. Задача состояла прибыть на место ровно в двадцать один ноль ноль, чтобы потом действовать по обстоятельствам.

Такси довезло меня на соседнюю улицу, и я, расплатившись, пошёл пешком на место. Я рассчитывал издалека посмотреть на момент передачи. Важно было узнать, кто придёт за посылкой. И, если всё будет в порядке, мне предстояло вовремя вмешаться в процесс, чтобы передать этому человеку банковские карточки, которые я принёс в другом чемоданчике.

Место передачи просматривалось весьма плохо. С одной стороны его скрывала глухая стена пятиэтажного дома, с другой стороны – кусты, бурно разросшиеся за оградой детского садика. С третьей стороны сквозь домовую арку виднелся автомобильный выезд из внутреннего двора, и выступающая часть арки тоже ограничивала видимость. Единственный подход к месту со стороны проезжей улицы напоминал узкую извилистую трубу, по которой редко сновали пешеходы, предпочитая заходить в дом со стороны не проезжей, а другой парадной арки.

Очень мне всё это не понравилось уже тогда, когда я за три дня до этого решил приехать сюда, чтобы посмотреть на место.

Я лихо перемахнул через ограду детского садика и быстро перебежал к кустам, примыкавшим к глухой стене здания. Как я и предполагал, мой курьер «Тридцать восемь рублей» уже стоял на месте, ожидая и нетерпеливо стучая коленом по коричневому чемоданчику. План мой был прост. Если контакт с моим курьером состоится нормально, то я выйду из укрытия и сам передам карточки по назначению. Или... Или придётся действовать как-нибудь по-другому.

Я считаю, что здесь мне так крупно повезло в жизни первый раз. Прибудь я на место хотя бы минутой раньше, кто знает, писал бы я эти строки?

Подкрадываясь к месту наилучшей видимости, я вдруг заметил, что какой-то человек в серой куртке тоже пробирался с другой стороны к кустам, примыкавшим к месту на территории детского садика. Я вовремя сообразил, что делать, и, согнувшись в три погибели, юркнул в чрево фанерного детского теремка. Слава богу, он меня не заметил, и – только потому, что я пришёл сюда на тридцать секунд позднее. Отсюда я почти не видел моего курьера, но видел огромную спину ожидавшего его человека в серой куртке.

Человек некоторое время оглядывался, а потом исчез из моей видимости. Из кустов он не выходил, поэтому я предположил, что он просто сиганул вперёд через ограду садика к моему курьеру.

Я оказался в растерянности, не получалось наблюдать, что там происходило на месте за территорией детского садика. Для этого надо было подобраться поближе. Я колебался в сомнениях, надо ли прямо сейчас бежать на место или ещё подождать сколько-нибудь. Мои колебания продлились всего минуты полторы, после чего я осторожно двинулся к тому месту, где видел человека в серой куртке.

Картина мне представилась следующая. «Тридцать восемь рублей» валялся на земле лицом к небу, а в конце арочного проезда поспешал человек в серой куртке, держа в руках тот самый чемоданчик. Было достаточно светло, чтобы я смог разглядеть кровавый «контрольный выстрел» на лбу этого моего курьера. То была большая неприятность как для него, так и для меня в том числе. Это было слишком круто. Я то боялся, что его в крайнем случае просто скрутят или бандюки, или правоохранительные органы. Потом, конечно, – отпустят, поняв, что ошиблись. Но такой суровый вариант и сразу, – это было весьма неожиданно и печально. Стало быть, мне подписали приговор.

Я не стал перелезать через забор, а побежал вдоль него по эту сторону ограды, стараясь не выпускать из виду серую куртку, едва заметную сквозь кусты. Хотя мне и стрёмно было очень, но я хорошо понимал, что теперь должен таки за жизнь бороться. Если струшу, – то погибну. На подходе к магистральной улице человек сбавил торопливый шаг, чтобы не выставляться среди редких прохожих, бредущих по тротуару, и направился к стоящему у дороги чёрному джипу. Это был тот самый джип, который я уже неделю назад видел у дороги, когда мучился сомнениями о том, заметила ли меня камера внешнего наблюдения.

Правильно я рискнул в том, что проследил за этим человеком. Теперь я понял, что, во-первых, меня начали ловко «пасти» сразу после получения задания. Во-вторых, наверное они решили, что камера меня всё-таки заметила. Тем самым я обозначился как порочное звено в их цепи, и меня решили «зачистить». Увы, если бы не камера, у них такой и резон бы не возник, чтобы идти на убийство. В-четвёртых, – в покое меня теперь точно не оставят.

Какое счастье, что я не поленился проявить такую осторожность. Я также понимал, что теперь мне нельзя возвращаться ни домой, ни на работу. Тогда я решил, что ночевать буду прямо в «Мерседесе». На нём я предусмотрительно ездил по генеральной доверенности, выдав покупателю залог в размере полной стоимости автомобиля. Я так прикинул, что два дня, от силы – три у меня в запасе были.

ИЗГОЙ

Скоро они поймут свою ошибку и на меня расставят всевозможные сети. Конечно, в этих условиях пользоваться моими карточными деньгами в обычном порядке было бы, по крайней мере, смерти подобно.

Я купил у таджика около метро телефонную карточку, оформленную на «космонавта», и позвонил Олегу.

– Привет! – сказал я.

– А ты вообще куда пропал? – начал он с ожидаемой фразы. – Ты в курсе, что нам через неделю проекты тарифов заказчику сдавать?

Любил Олег в мастера руководства поиграть. Но я начальником для себя фактически принял к себе на работу в отдел и всегда прощал ему эту слабость. В деле он был почти ни бе ни ме ни кукареку, но имел фантастический талант в клиентов уверенность вселять. Меня почему-то клиенты пугались. Что тут подделаешь, – с бабами кувыряться у меня был талант, а с клиентами – нет. Мы оба понимали все наши межличностные условности и, можно сказать, даже были друзьями на этой почве. Он всегда самым своим главным мозговым нейрончиком чувствовал, какие просьбы от меня являются «твёрдыми», а какие могут обсуждаться по разным причинам, которые могли бы показаться ему достаточно важными. Ценнейший был работник в этом отношении, поэтому я позволял ему иногда больше меня зарабатывать.

– Мне срочно нужны наличные деньги в большом количестве, – заявил я.

– Сколько? – напрягся он.

Я назвал сумму в долларах и частично в рублях. Он, как ожидалось, присвистнул от удивления.

– Ты что, головой ослаб?

– Не переживай, – ответил я, – я тебе свою банковскую карточку отдам, на ней эта сумма есть, «откачаешь» и конвертируешь постепенно. Я не могу, у меня времени нет.

Я знал, сколько у него сейчас есть денег, ведь он всегда держал некоторую сумму, чтобы платить «откаты» госзаказчикам. Это была солидная сумма крупными купюрами, которая регулярно пополнялась им через фирмы «однодневки».

– Тебе зачем столько сразу? – всё-таки поинтересовался он.

– Гулять круто уезжаю с одной известной фотомodelью, – ответил я заранее придуманное.

– Ну, ты ходок, – заржал он, – а как же тарифы?

– Тарифы уже «висят» на твоём почтовом ящике, – если удосужишься туда посмотреть.

Так что оформляйте всё, как надо, а меня не будет минимум недели две.

– Хм, – заворочал он мозгами, – хорошо, приходи завтра...

– Я сейчас приеду через полчаса, – заявил я.

– Не-не, – заволновался он, – только не сейчас... У меня тут – семейные обстоятельства.

– Жди, еду, – отрезал я и вырубил телефон.

О семейных обстоятельствах Олега я получил представление, когда увидел покрасневший след от крутой оплеухи на его левой щеке сразу после того, как он открыл мне дверь собственной квартиры. Глаза у него были слегка влажные, а физиономия выражала крайнее неудобство. Но мне жалеть его было просто некогда. У него – оплеуха, а у меня – жизнь в опасности. Деваться некуда.

– Ты, правда, не вовремя ко мне... – замялся он, – у меня с Сонькой тут проблемы.

Я не раздеваясь пропёрся в комнаты и сел в кресло.

– Деньги давай, вот тебе карточка...

Он вздохнул.

- Какая странная карточка, – заметил он, – она нормальная?
- Всё в порядке, – уверил я, – сейчас и такие делают. Там большая сумма, она вся твоя.

Понял?

Он подтвердил и поинтересовался, когда мне её вернуть. Я велел карточку потом уничтожить. В этот момент из кухни показалась Сонька собственной персоной с раскрасневшейся физиономией и тоже масляными глазами. Сонька была хороша фигурой и моложе Олега лет на десять.

– Привет, – сказал я, – что тут у вас?..

– Соня, я прошу тебя... – забеспокоился Олег.

– Не черта меня просить! – видимо, продолжила истерить Сонька. – Всем расскажу, какой ты подлец!

Олег развёл руками, обращаясь в мою сторону (в смысле: вот ведь, я говорил) и удалился за деньгами.

– А-а-а-а, – вяло догадался я, – можешь не рассказывать, – небось, Олег какую-нибудь постороннюю девку трахнул. Мне бы ваши проблемы.

Сонька вытаращила глаза от удивления.

– Как ты так сразу догадался? Это для тебя не проблема?

Я пожал плечами.

– У нас двое детей, мы живём уже двенадцать лет вместе, – запричитала Сонька, – а теперь я выясняю, что этот кобель к девкам каждую неделю бегаёт, а на меня, значит, внимания вовсе не обращает.

Вернулся Олег, протянул мне портфель, набитый купюрами.

– Можешь не пересчитывать.

Я засобирался.

– Нет, погоди, – вдруг заупрячилась Сонька, – посиди немного с нами, расскажи, как это у тебя так получается, чтобы такое ерундой казалось? Может, я что-то не понимаю в жизни? Просвети, ты ж у нас главный кобель и общепризнанный философ.

– Посиди с нами, – взмолился Олег, измученный смутой. В его глазах я обнаружил такую щенячью жалость; им обоим нужен был кто-то посторонний, чтобы личную свару притормозить.

– Хорошо. Дайте попить что-нибудь.

Мне принесли чашку кофе.

– Вы, как я полагаю, желаете всё-таки сохранить семейные отношения?

– Я – да! – с готовностью заявил Олег, а Сонька закусил губу и отвела взгляд.

– Вот, – продолжил я, – только яркий секс вам, значит, не удаётся. Так он почти никому в семье не удаётся. Вы себе представьте, что самец, проживающий рядом с самкой, всегда имеет доступ к ней. Если бы это всякий раз приносило запредельное удовольствие, то семья бы только этим бы и занималась, пренебрегая малоприятным долгом добывания хлеба насущного для себя и детей, ими наделанных. А жизнь у нас всего одна. Почему же не пользоваться невинными радостями?

– Значит, ему – можно, а мне нельзя? – опять округлились глаза у Соньки.

– Кто сказал, что нельзя? – продолжил я. – Пусть Олег, если сам не хочет, так сам наймёт тебе плейбоя так, чтобы только безопасного. Вот это будет по-честному.

Оба покраснели как раки. Сонька сердито вперилась взглядом в Олега. Тот съёжился так, что показалось, – стал меньше ростом.

– Ну, ты... – Сонька приумолкла на секунду, подыскивая для меня ругательное слово, – предатель!

– Точно! – не обиделся я. – Я и сам так считаю. И не вижу в том ничего ужасного, поскольку все люди – предатели по определению. Это не более чем закреплённый природой

в человеке фактор биологического выживания. Как это не странно слышать, но предатель должен лишь стараться не нарушать закон, если обстоятельства позволяют. Парадоксально, но, по-моему, одно другому не противоречит.

– А что... – сказал Олег, обращаясь к Соньке, – я же тебе говорил, что любовные утехы – это всего лишь такой вид спорта, полезный для здоровья. Адюльтер, извращения всякие – это всего лишь условности, достояние человеческой культуры.

– Ну, нет, – засмеялся я, – насчёт извращений ты не обольщайся. На поверку оказалось, что у обезьян есть всё, чем так гордится наша продвинутая культура. Я, пожалуй, пойду, если у вас больше нет ко мне вопросов.

Олег махнул рукой и ушёл в кухню.

Тут мне пришла в голову одна мысль, которая, как оказалось, была достаточно здравой. Я спросил у Соньки, а каким же образом она выследила Олега?

Тут Сонька рассказала мне, что сделала это через одно дорогое частное сыскное агентство, которое ей порекомендовала подруга. Я спросил, не даст ли она мне адресок для решения некоторых моих личных надобностей. Она порылась в сумочке и сунула мне весьма потёртую визитку с адресом и телефоном. Сказала, что надо предварительно позвонить, а по прибытии предъявить это. На оборотной стороне визитки она поставила свою подпись.

Далее она поинтересовалась, зачем мне это всё. Я что-то наплёл ей такого, что сейчас и не вспомню. Что-то про свою новую любовь, за которой надо последить со стороны некоторое время, чтобы, не дай бог, в какую-нибудь историю не вляпаться с её прежними обожателями.

– Эх, какие же вы, мужики, стервы, – заключила она.

Я не стал спорить.

Они оба хлопали глазами мне вслед, провожая меня с порога. Я подозревал, что после моего визита в башках у них осталась у каждого только по одной точке. Похоже на перезагрузку у компьютера, подумал я.

На карточке, которую оставил Олегу, сумма была в два раза больше, чем та, которую я нёс в портфеле. Пусть порадуется, думал я, мне – всё равно, а он деньги любит. Будет ему вроде «золотой парашют», если я не вернусь к своей прежней жизни. Как я понимал, активность на этой карточке мои недруги обнаружат в скором времени. Однако я был в том уверен, что они, скорее всего, не станут его беспокоить. Понятно, что я в моей ситуации не стал бы посвящать его в мои дальнейшие планы. Но под колпак его, конечно, скоро возьмут. Ничего, прикинул я, пускай злые силы эти свои силы попусту расходуют. Мне – только на руку.

Теперь я был полностью свободен и ничем не связан. Домой – нельзя, на работу – нельзя, никому звонить нельзя. Выкинул я все свои «симки» из прежней жизни. Теперь оставалось срочно «рвать когти».

Однако ещё одно дело оставалось сделать перед этим. Рисково это было, конечно. Но, прокрутив всю логику обстоятельств в голове, наверное, раз в двадцатый, я всё-таки ещё значительнее укрепился в данной необходимости.

ДОРОГОСТОЯЩЕЕ АГЕНТСТВО

– Слушаю вас, – объявил мне пожилой мужик, восседая за канцелярским Т-образным столом.

После того как я передал ему визитку, подписанную Сонькой, он обозначил себя как Вячеслав Николаевич. Я же про себя решил, что он – «Шарик», поскольку он был лыс, как бильярдный шар, и к тому же постоянно еле заметно то ли улыбался, то ли над чем-нибудь усмехался. Если вам доведётся ещё когда-нибудь снова увидеть белые бильярдные шары, то всмотритесь пристальнее, – они все слегка над вами посмеиваются. Если бильярдный шар попадает в лузу после удара, то он посмеивается над вашей удачей, понимая её непостоянство, а если не попадает, то в открытую смеётся над неудачником.

Я оглядел кабинет. Всё здесь дышало весом, уверенностью и слегка сознательно намекало о советском прошлом. Этим он хочет сказать, что он бывший кагэбэшник, догадался я. Что ж, в сочетании с информацией от «сарафанного радио» это сильно облегчало, так сказать, процесс оценки взаимных статусов собеседников. В принципе, не столько пошлость, сколько простая экономия времени.

Я представился как «Серафим», – он понимающе кивнул.

– Мне в интернете надо человека найти, – сказал я.

– Борис, – позвал он, надавив на кнопку селекторной связи, – подойди сюда, твоя тема.

Пришёл Борис и сел напротив меня.

– Должен сразу предупредить, что тарифы у нас не совсем обычные, – сказал он.

Я ответил, что это мне известно.

– Что-нибудь желаете рассказать немного о себе? – спросил он и добавил: – От этой информации сильно зависит величина оплаты наших услуг для тех клиентов, кто приходит к нам впервые.

– Нет, – ответил я.

– Зря, – сказал он, – но и это допустимо.

– Более того, – заявил я, – прошу не вести никаких видео- или аудиозаписей нашей беседы и стереть всё, если что-то было записано до этого момента.

Он посмотрел на меня и сказал, что они не ведут слежки за клиентами.

Борис был молод, но пухловат и с классическим нездоровым румянцем, отличающим «сисадминов» от «юзеров». Уровень его компьютерной продвинутости обозначала талия, которая поползла почти до подмышек.

– Дело моё такое, – сказал я и протянул им исписанный листок, – вот вам список электронных адресов, где в качестве корреспондента на форумах вы сможете обнаружить некоторого человека, который связан с псевдонимом «Квест@6К». Меня очень интересует, что это за человек, где живёт, чем занимается. Мне нужна от вас вся доступная информация.

Вячеслав Николаевич посмотрел на Бориса. Тот пожал плечами. Видимо, ему показалось, что это – «дело техники».

Вячеслав Николаевич перевёл взгляд на меня и сказал, сколько надо сейчас заплатить, а – дальше будет видно. Сумма, которая лежала у меня во внутреннем кармане пиджака, была в три раза больше. Я вручил ему всю пачку, объявив, что дело может оказаться не столь простым, как можно ожидать, и сказал, что это только половинный задаток.

– Понятно, – коротко сказал Вячеслав Николаевич и сдвинул пакет с купюрами в ящик стола, – лишнее мы вернём. Будут ли ещё какие пожелания?

– Должен вас предупредить, что это может оказаться очень опасный человек, – сказал я, – во всяком случае, постарайтесь не «засветиться» в том, что ищите информацию о нём. И если дело потребует больших средств, то я готов возмещать любые затраты.

– Не беспокойтесь, – ответил «Шарик», – если дело будет выходить, что называется, «за рамки» некоторых условий или наших возможностей, то мы вернём все ваши деньги за исключением фактических затрат.

Я кивнул и засобирался.

– На всякий случай прочитайте сейчас и запомните эти инструкции.

Он протянул мне листок бумаги. Когда я с этим ознакомился, он демонстративно сжёг обе бумажки в пепельнице.

Не особо я верил в достаточность этих самых их «возможностей», но мне надо было использовать все свои возможности для обороны.

ПОБЕГ В НИКУДА

Через несколько часов мой «Мерседес» катил по Горьковскому шоссе, удаляясь от Москвы с максимально возможной скоростью. Скорость эта была в среднем 50 км в час. Большого грузовые фуры и областные пробки не позволяли. Я ехал вглубь России – в «никуда».

Было бы, конечно, приятнее ехать в направлении прямо противоположном. Однако я сразу отмёл этот вариант. Незаметно пересечь границу и надёжно спрятаться от хакеров в густонаселённой Европе, напичканной видеорегистраторами и всякими электронными базами данных, казалось мне весьма рискованным мероприятием для моего случая. Я не знал пока возможностей Квеста в этом отношении. Мне, скорее, подходил именно какой-нибудь «медвежий угол» с Бабой Ягой, в котором будет трудно вычислить конкретного человека. Я так полагал отсидеться там до осени, чтобы мои преследователи несколько поубавили пыл и, возможно, потеряв меня из виду, несколько ослабили интенсивность поисков. Тогда в зависимости от обстоятельств можно было бы попытаться опять определённым образом произвести откачку наличных денег с электронных счетов и попытаться спрятаться надёжней. Но это пока всё было в туманном будущем, а сейчас главная моя задача состояла в том, чтобы спасти собственную шкуру хотя бы на несколько ближайших месяцев.

Деньги у меня теперь были, а с ними, как я утешал себя, мне нигде скучно не будет, а если и будет, то всё равно где.

Что, собственно, надо человеку для ощущения некоторого «счастья». Он ведь, по сути, для этого имеет мало приспособлений. Все блага и удовольствия его втекают либо через маленькое ротовое отверстие в голове, или даются от ощущений внизу живота. Как ни крути, а все дороги различных вторичных «удовольствий» в конечном итоге стекаются сюда. Немножко к этому набору добавляет человеческая любознательность. Я понимал это, как настоящий «предатель», не обременённый сопутствующими процессу жизни иллюзиями. Поэтому меня почти не смущало возможное отсутствие какой-либо роскоши в конце моего путешествия. Наоборот, мне, по некоторым причинам, было интересно ненадолго поинтересоваться тем миром, который был бы далёк от урбанизации.

Я, как вы, наверное, уже заметили, довольно любознателен. Или, по крайней мере, считаю про себя так. Я был убеждён, что человек в основе своей – существо познающее. Этот вектор, конечно, стал для него фактором выживания и эволюционного процветания. Поэтому, если, конечно, это ему самому надо. Вот и я люблю ковыряться в смысле жизни, отнюдь не представляя этот процесс вовсе безнадёжным. Удовольствие здесь состоит в том, чтобы делать то, что хочешь и понимаешь.

Российская глубинка представлялась мне тогда некоторой «землёй неизведанной». Я как рядовой житель мегаполиса вполне подозревал о существовании почти «потустороннего» для себя мира, где живут иные люди, с которыми меня объединяют лишь общепринятые слова русского языка. Конечно, это был мир многочисленных примитивов, но что это были за «примитивы». Такой я человек, что мне это казалось интересным. Что может интересовать исследователя в пиявке или примитивной мухе? Или ещё экзотичнее – содержимом кишечника каких-нибудь кабанов? Конечно, грязь может показаться отвратительной чистоплюям. Но я не был таким чистоплюем. Люди меня искренне интересовали во всех своих низких и высоких, примитивных и высокоорганизованных проявлениях. Эта любознательность однажды привела меня на философский факультет и не умерла во мне со временем. Поэтому перспектива пожить где-нибудь в таёжной глухомани вовсе не удручала мою натуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.